

АКАДЕМИИ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XVII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ
АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Тезисы докладов

Москва 1987

по начало 70-х годов/ но и захватывают эпоху жизни в Австралии гораздо более длительную /ибо в романе рассказчик ведет речь и о жизни своих родителей, в частности, умершего отца, то есть, от начала века до 70-х годов/. Таким образом, те несколько часов, о которых заявлено в романе, как бы разворачиваются и по существу рассказывают через повествование о друге и родителях об австралийском обществе ХХ века.

Субъективность повествователя, рассказчика лишь усиливает эффект объективности творца /Мелуфа/, который якобы лишь фиксирует материал. Этот прием позволяет писателю как бы самоустраниться, не навязывая своей нравственной позиции читателю. Это выигрышная позиция в обществе, не доверяющем никаким принципам и оценкам. Однако позиция автора в таком случае еще более претендует на безусловность, так как проявляет себя уже как сама логика разворачиваемой реальности, раскрывающаяся в результате рассказа Данте, как бы независимо от произвола Мелуфа. Такая логика эпического мира убеждает сильнее всякого прямого слова повествователя. Созданием "Джонно" Мелуф показал губительное действие австралийского буржуазного общества на индивидуальность, усилив акцент на социальной мотивировке от человечности.

В. Р. Кабо

АВСТРАЛИЙСКАЯ ОБЩИНА КАК МОДЕЛЬ ПЕРВОИЗНОГО ЭТНОСА (К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТНОСА)

Одной из центральных и, в то же время, наиболее дискуссионных проблем советской этнографии является проблема этноса. Внимание исследователей, как правило, привлечено к таким аспектам проблемы как сущность этноса, типология этнических общностей; дискутируется вопрос о том, какие именно свойства делают социальную общность этнической. Значительно меньшее внимание уделяется проблеме возникновения этноса и наиболее ранним его формам. А между тем именно выяснение генезиса этноса как универсального явления помогло бы понять сущность его и осветить всю проблему в целом.

До недавнего времени было распространено мнение, что у первобытных охотников и собирателей главными носителями этнических свойств являются племя и более крупная общность - груп-

па родственных племен. Эта точка зрения нуждается в пересмотре в свете большого количества фактов, противоречащих ей. Особенно обильный и яркий материал предлагает австралийская этнография. Факты свидетельствуют о том, что традиционное австралийское племя как социальный институт находилось в процессе формирования, и многие исследователи либо вообще не признают его существования, либо употребляют термин "племя" условно и говорят, например, о "лингвистическом племени", подчеркивая этим, что речь идет об общности, единственным конституирующим признаком которой является взаимопонятный язык. В то же время ведущей социальной общностью традиционно-австралийского общества была община как часть племени, обладающая относительной устойчивостью, хозяйственной автаркией и социальной автономией. В то время как структура племени была аморфной, структура общины, напротив, четко выраженной. Племя выступало прежде всего как совокупность общин, его единство было лишь продолжением единства составляющих его общин. Поэтому — то именно общины в первую очередь обладали совокупностью тех свойств, которые принято называть этническими — не только взаимопонятным языком, но и групповым самосознанием и особым, неповторимым сочетанием культурных явлений. Вот что пишет о центральноавстралийских племенах один из лучших знатоков социальной организации аборигенов Австралии, Т. Стрелов: "Каждое племя расщепляется на большое количество групп и подгрупп, взаимонезависимых, автономных, обладающих собственными охотничьими угодьями... Обычай, обряды, религиозные верования заметно отличают одну такую группу от другой". Речь здесь идет об общинах, основных социально-экономических ячейках австралийского и — добавим — любого другого общества первобытных охотников и собирателей. Экономически и социально они были прежде всего членами общины, а потому и сознавали себя прежде всего членами общины; а ведь самосознание — одно из важнейших этнических свойств.

Та же традиционная структура характерна для охотников и собирателей Азии, Африки, Америки: аморфность, а иногда и отсутствие племени и структурная выраженность общины как ключевой социально-экономической и постстарной общности, а вследствие этого и главного носителя этнических свойств — самосознания, взаимопонятного языка, культурной специфики.

В традиционном австралийском обществе социальный кругозор человека обычно ограничивался его общиной и ее ближайшими соседями. Носители культур, лежащих за пределами непосредственных межобщинных контактов, наделялись свойствами сверхъестественных существ, этим объясняется тот факт, что и элементы культуры, пришедшие, нередко наделялись такими же сверхъестественными свойствами и употреблялись не по своему прямому назначению, а становились предметами культа. Так происходило в некоторых районах с бумерангами или каменными наконечниками, которые, распространяясь путем обмена, вдали от мест своего изготовления превращались в объекты ритуального или магического использования благодаря тем сверхъестественным свойствам, которые приписывались всему чужому. А границы между "своим" и "чужим", между "нами" и "ими" пролегли за пределами общины и ее ближайшего социального окружения, община, а не племя в целом, была центром социального мира отдельного человека, и это накладывало печать на все его мировоззрение.

То же самое характерно и для других традиционных охотничье-собирательских обществ. Так, социальный мир пигмеев Центральной Африки ограничивается его ближайшими соседями и обычно не простирается далее его собственной общины. По свидетельству М. Гузюнде, самосознание пигмеев ограничено его семьей и общиной. Племенного самосознания здесь нет и быть не может, потому что племя как социальная общность еще не оформилась. У бушменов самостоятельность общины как единой и замкнутой в себе социально-экономической общности настолько велика, что многие общины даже имеют, как и у австралийцев, собственные самоназвания. Община — это мир бушмена, в общине, в повседневных контактах с небольшим кругом людей проходит вся его жизнь. Для бушмена его община — "его народ". Точно так же австралиец племени тиви, по свидетельству этнографов, считает "своим народом" только свою общину. Бушмены кунг не признают в качестве представителей собственного народа людей из отдаленных общин, даже если те говорят на том же языке. Этническая структура строится на основе отдельных, автономных общин, иногда — объединений нескольких общин, но не на основе племени. При этом структурирование этнических общностей находится, как и в Австралии, под прямым воздействием пространственного фактора.

Примеры можно было бы значительно умножить. Все они гово-

рят о том, что на ранних этапах социального развития относительная устойчивость внутренней структуры, автономия и хозяйственная самодостаточность общины, концентрация межличностных связей внутри нее реализуются в сложении языка (или диалекта) внутригруппового общения, своеобразия или неповторимого сочетания явлений материальной и духовной культуры, в противопоставлении себя другим коллективам, в общинном самосознании и самоназвании как его выражении, словом в таких признаках, которые рассматриваются как этнические. Все эти признаки складываются прежде всего на общинном уровне и уже затем, по мере оформления и консолидации племени, распространяются и на него. Община выступает, таким образом, исторически первой, наиболее ранней этнической общностью. Существование ^{общины} в качестве этносоциальной общности, носительницы основных этнических свойств, исторически предшествовало существованию в этом качестве племени, ибо последнее формировалось на ее основе. Ключевое положение общины в структуре первобытного общества делает ее и ведущей этнической общностью — ведь этнообразующие факторы социальной общности формируются лишь на устойчивой, стабильной социальной основе.

В последнее время в нашей науке наметилась тенденция к пересмотру прежнего представления о племени как основной этнической общности первобытного охотниче-собирающего общества. Появились работы, показывающие, что такими общностями являются прежде всего общины (В. А. Шнирельман, О. К. Артемова). В этой связи хотелось бы обратить внимание на непоследовательность В. А. Шнирельмана, который во втором томе "Истории первобытного общества" (М., 1986, с. 466-467), вопреки им самим же собранным фактам, свидетельствующим о первичности общины как носительницы этнических свойств, называет "протоэтнотами" брачные сообщества и группы интенсивного общения. Никаких доказательств, что последние обладали этнической спецификой, не приводится. Термин "протоэтнос" затушевывает тот очевидный факт, что община выступает не "прото", а просто этносом — первой в истории человечества этнической общностью.

В качестве микроэтнической единицы В. А. Шнирельман предлагает рассматривать родовое ядро общины. Но почему же только родовое? Ведь у очень многих охотников и собирателей родовой организации нет, однако, и у них в каждой общине имеется группа людей, родившихся здесь, хранителей общинных тради-

ций, главных носителей ее этнических свойств. Такой группой у бушменов, например, является родственное (но не родовое!) ядро общины.

Итак, исторически первобытная доземледельческая община является исходной и, в то же время, элементарной ячейкой этнической структуры, ее можно сравнить с одноклеточным организмом, давшим начало всему живому. В исторической перспективе первобытная община открывает собой процесс формирования этнической структуры во всей ее сложности, свойственной позднейшим этапам социального развития.

Г. И. Каневская

КЛАССОВЫЕ ОСНОВЫ ИММИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА /1901-1939 г.г./

Основой иммиграционного законодательства Австралийского Союза первых лет его существования стал Федеральный иммиграционный акт, вступивший в силу 23 декабря 1901 г. Особое внимание обращает на себя 3 статья этого акта, которая запрещала въезд в Австралию не только традиционной категории лиц /душевнобольных, страдающих инфекционными заболеваниями, осужденных и других/, но и тех, кто по просьбе иммиграционных властей не смог написать под диктовку и подписать текст из пятидесяти слов на каком-либо европейском языке.

Главная цель данной статьи заключалась в том, чтобы положить конец "цветной" иммиграции в Австралию. Еще в ходе обсуждения законопроекта в парламенте было предусмотрено, что текстированию подлежат только жители Африки, Азии и Полинезии. Но как показала практика, 3 статью можно было использовать и против иммигрантов европейского происхождения, чей въезд в страну оказывался по политическим мотивам нежелательным.

Таким образом, первый иммиграционный законодательный акт Австралийского Союза носил ярко выраженный классовый характер и возводил в ранг государственной расистскую политику "белой Австралии", которая начала проводиться в жизнь отдельными колониями еще в конце прошлого века. Однако путь создания заградительного барьера для "цветной" иммиграции, заимствованный из опыта британской колонии Наталь, носил замаскированный характер. Австралийские власти не желали портить отношения с